

Предисловие

Автор этой книги Николай Андреевич Клепинин (1899–1941) участвовал в Гражданской войне 1917–1922 годов в качестве офицера Добровольческой армии. В 1920 году эмигрировал в Сербию и являлся одним из деятельных участников русской эмиграции. В 1926 году переехал в Париж, где в 1926–1927 годах в издательстве YMCA-PRESS были опубликованы основные его произведения, в том числе монография «Святой и благоверный великий князь Александр Невский», вызвавшая благожелательные оценки в эмигрантской печати В. Н. Ильина (журнал «Путь», 1928, № 8) и Г. П. Федотова (журнал «Современные записки», 1928, № XXXVI), в последней из которых было отмечено влияние в этой книге идей евразийства. Действительно, книга Клепинина, особенно в той части, где он рассказывает о формировании монгольской империи, не обошлась без влияния идей, разрабатывавшихся в эмигрантской историографии историком Г. В. Вернадским. Так что Г. П. Федотов в своей рецензии даже

6 заметил: «За фигурой Александра на первом плане встает сумрачный образ Чингисхана, легендами которого автор считает нужным прорезать русско-житийную тему Александра Невского».

С течением времени Н. А. Клепинин разошелся с эмигрантскими кругами, начал сотрудничество с советской властью и в 1937 году вместе со своим другом — редактором газеты «Евразия» С. Я. Эфроном — приехал в СССР под фамилией Львов. Через два года Клепинин был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже, а в 1941 году расстрелян вместе со своей супругой А. Н. Клепининой — старшей сестрой известного советского историка А. Н. Насонова, одного из основоположников марксистской интерпретации русско-ордынских отношений, сформулированной в книге «Монголы и Русь (история татарской политики на Руси)» (1940).

Монография Н. А. Клепинина об Александре Невском, написанная прекрасным литературным языком на основе не только летописей, традиционно являющихся основным письменным источником для изучения истории Древней Руси, но и широкого круга историографической литературы XIX — начала XX века, подводит своеобразный итог формированию исторических представлений о князе, сложившихся в дореволюционной исто-

риографии. При этом она практически лишена клерикально-поэтического пафоса, которым страдает, например, труд его предшественника, протоиерея М. И. Хитрова «Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский», написанный в конце XIX века. Однако нельзя не заметить вслед за Г. П. Федотовым, что, излагая биографию князя, Н. А. Клепинин во многом некритично следует агиографической канве, которая сложилась как в «Повести о житии Александра Невского», написанной предположительно в начале последней четверти XIII века по инициативе сына князя — Дмитрия — и митрополита Кирилла II, так и в более поздних памятниках агиографии. В то же время монография Н. А. Клепинина далека и от тенденциозной оценки Александра Невского, которая характерна как для советской историографии, рассматривающей военно-политическую деятельность князя с точки зрения феодальной парадигмы социально-политического развития Руси, так и для постсоветской историографии, которая часто рассматривает ее в контексте геополитической альтернативы «Восток–Запад». Таким образом, новое издание этой книги, неоднократно переиздававшейся сначала в эмиграции, а затем и в нашей стране, представляется целесообразным в силу достаточно объективного стиля изложения, несмотря на то, что историография последних

8 лет пополнилась новыми исследованиями, посвященными не только жизни и деятельности Александра Невского, но и ее трактовке как феномена русской культуры.

Текст печатается по изданию 1993 года.

*Кандидат исторических наук
Д. А. Боровков*

Введение

Княжение св. Александра Невского совпало с одним из самых значительных периодов русской истории. При нем произошло окончательное разрушение Киевской Руси, бывшей до тех пор намечавшимся государственным центром России. При нем окончательно обособилась Суздальская Русь. При нем Россия сделалась улусом татарского царства. И в нем самом уже начало, первое предвозвестие возвышающейся великодержавной Московской Руси — той России, которая, восприяв духовное наследие Киева, медленным и тяжким трудом взрастила его под татарским игом и, объединенная под гнетом единой внешней силы, вышла из глухого лесного угла к широким историческим горизонтам.

Поскольку этот момент соприкосновения Руси и татарского всемирного царства недооценивался в русской истории, недооценивалась и вся глубина исторической заслуги св. Александра Невского. Момент завоевания Руси татарами был поистине трагическим.

10 Перед лицом татар Россия как единство, как государственная сила перестала существовать. Она была сильна только своим внутренним богатством. Ее внешняя риза была разодрана. Св. Александру Невскому пришлось творить эту ризу внешнего единства под ударами с востока и с запада. Кончили дело объединения Руси лишь его потомки. Но он заложил первый камень; сам стал живым основоположным камнем новой возродившейся из развалин России.

Вся жизнь св. Александра была отдана России. Подходить к нему можно лишь через историю, через рассмотрение его эпохи и стоявших перед ним исторических задач. Поэтому и представляется необходимым описанию его личной жизни предпослать краткий исторический обзор предшествующих ему княжений и постепенного складывания тех сил, среди которых ему пришлось управлять Русью.

Одной из особенностей русской истории является полное перенесение центра государственной жизни с юга на север, закончившееся татарским нашествием как раз во время княжения св. Александра.

Оба события — разрушение Киевщины и усиление Суздаля — готовились длительным историческим процессом. Но этот процесс был скрытым и подземным. Он нарождался медленно, проявился стремительно — в течение одного столетия. Поэтому в нем

есть неожиданность катастрофы, трагическая историческая динамика.

Киевская Русь разрушилась именно тогда, когда она, казалось, укрепилась и достигла благосостояния. От крещения Руси при Владимире прошло два с небольшим века. Южная Русь была уже христианской, православной страной. В ней была Киево-Печерская обитель с ее многочисленными подвижниками. В ней были князья — подлинные христиане. Она создала свою христианскую письменность. Православие уже преломилось и преобразилось в русский дух, оказалось не простым заимствованием из Византии. Русские подвижники — и князь, и монах, и простолюдин — уже были русскими православными подвижниками, выявлявшими в своей святости русские черты. То, что осталось от тех веков — поучения, летописи, жития святых, многочисленные храмы, — ярко свидетельствует о своеобразности Киевщины. Православие вошло в ее мирозерцание и слилось с ним. Киевщина неотделима от православия и непонятна без него. Конечно, было бы глубокой ошибкой идеализировать древнюю Русь. Не только в народных толщах, в медвежьих углах, но и в княжеских теремах язычество еще далеко не было преодолено. Без дикости, разгула и темноты картина Киевской Руси будет неправильна и неполна. Но разве все то время, все средневековье, не являет из себя причудливой смеси

12 света и тьмы, величия в святости и силы в грехе? «И свет во тьме светит и тьма не объяла его». А что этот свет светил как в княжеском тереме, так и в простой избе, свидетельствуют многие жития и сказания. Подвижники Киево-Печерской лавры приходили отовсюду, и среди них были и князья, и смерды.

Все сведения о последнем столетии Киевской Руси говорят и о ее внешней силе. К началу XIII века она достигла богатства и широты быта. Описания иностранцев представляют Киев богатым городом с множеством церквей, монастырей, княжих палат и торжищ. Русские князья созидали библиотеки и устраивали школы. Многие из них владели несколькими иностранными языками. Они входили в сношения с иностранными королями и рождались с ними. Вся жизнь и быт князей и «больших» людей были богатыми и красочными.

Но, несмотря на это благосостояние, в Киевской Руси были внутренние недуги, медленно ее разрушавшие.

За три века бытия в Киевской Руси уже начало слагаться сознание национального единства — «всей русской земли». Но государственная власть не соответствовала этому единству. Князья «несли розно» русскую землю. Они не были связаны с землей и установившимся в ней земским строем. Они переходили со стола на стол. Их конечной целью было великое Киевское княжение. Поэтому в уделах они

были временными пришельцами, не связанными с земским строем. Сам переход со стола на стол вызывал распри. Этот порядок делался труднее с увеличением княжеского рода. Передвижение со стола на стол запутывалось все больше и больше. Меч был единственным средством разрешать эту путаницу. Удалые и умные князья начали захватывать уделы, не считаясь с правом старшинства. Земская Русь также начала вторгаться в дело размещения князей, призывая к себе князей вне очереди и старшинства. Князья вовлекали в свои распри уделы, бросая Киев на Чернигов, Переяславль на Смоленск. Усобицы сопровождались обычным разграблением, поджогами, уводами скота. Южная Русь сама разрушала себя и при наличии сознания единства делилась на враждебные области.

Но была еще причина, медленно подтачивавшая силу Южной Руси. Приднепровская Русь лежала на границе степей, в глубине которых сменялись кочующие орды. При единстве власти Русь, быть может, могла бы отбиться от степей. Но постоянные усобицы делали ее беззащитной. Некоторые из князей в пылу междоусобной борьбы сами стали наводить половцев на русские пределы.

«Тогда сеяшеться и растяшет усобицами; погыбашет жизнь Дажь-Божа внука; в княжих крамолах веци человеком сократишася. Тогда по Русьской земле редко ратаеве кикахут,

14 но часто врани граяхуть, трупие себе деляше... Усобица князем на поганяя погиге, рекоста бо брат брату: се мое, а то мое-же; и начаше князи про малое се великое молвити, а сами на себе крамолу ковати, а погании со всех стран приходяду с победами на землю Русьскую... Възстона бо, братие, Киев туюю, а Чернигов напастьми; печаль жирьна утече среди земли Русьская, а князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами победами нарищуце на Русьскую землю, емляху дань по беле от двора... Уже бо Суда не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным Полчанам под кликом поганых».

В этом плаче «Слова о полку Игореве» есть глубокая скорбь о всей русской земле и сознание ее единства. Но этого сознания не было у князей, за исключением лишь немногих. Не князья, а земская Русь блюла единство России, как и неизвестный автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к князьям с мольбой о мире: «Молимся, княже, тебе и братома твоима, не мозите межи собою погубити земли русские, юже бяше стяжали отцы ваши и деды трудом великим и храбростию»¹. Иногда голос земщины доходил до князей, и они, собравшись на съезде, разделяли уделы и сговаривались совместно защищать Русскую землю, каждому в своей вотчине. За такими съездами следовали совместные походы на степь, и набеги временно прекращались. Но князья разъезжались

в свои уделы, и новая усобица, поднятая каким-нибудь князем, недовольным разделом, снова разбивала княжества на враждующие стороны.

Набеги половцев были истинным бедствием Киевщины. Эти набеги совершались совершенно неожиданно и внезапно. Владимир Мономах говорил на Долобском съезде: «Начнут (весною) люди орати и пришедше половцы, самех избият, а лошади их возьмут, а в село ехавши и жены и дети их поемлют и все, что имеют, а села пожгут».

Слова Владимира Мономаха указывали другим князьям на самое роковое последствие половецких набегов. Эти набеги обрушивались на сельское население. Торговое городское население отсиживалось за стенами городов. Крестьянство же не имело защиты. Половцы внезапно появлялись из степей и так же внезапно скрывались со своим «пленом» в степи, теряясь в далеких и широких просторах трав, ковыля и яругов, шедших от пределов Руси к берегам Азовского моря. Крестьянство вообще было угнетено рабством. Набеги кочевников переполняли чашу терпения. Население поднималось с мест и бежало с черноземья в места более бесплодные, но зато и более спокойные. Эти трагедии отчаявшихся смердов остались скрытыми и неизвестными. Но причины, побуждавшие их к уходу, были те же, которые побудили Андрея Боголюбского уйти

16 с юга на север: «скобря о нестроении братии своея, братаничев и сродников, яко всегда в мятежи и волнении вси бяху и много крови лияшеся и несть никому ни с кем мира и от сего вси княжения опустеша... и от поля половци выплениша и пусто сотвориша»...

Бедность и угнетенность сельского населения были одним из главных недугов Киевщины. Быстро воздвигнутое и богато украшенное здание Киевской Руси стояло на слабом фундаменте. Подземные воды усобиц и потоки половецких нашествий еще больше размывали этот фундамент. Здание стало быстро распадаться и неожиданно быстро рухнуло.

Одной из первых зловещих трещин были запустение и потеря торговых путей. Сами князья заметили появившуюся трещину. Так, в 1170 году великий князь Мстислав Изяславович заметил, что половцы «и Греческий путь изьотимают и Соляной и Залозный», т. е. торговые пути в Византию, Тавриду и Хозарию. Съезд князей решил «поискати отец и дед своих пути и своей чести». Князья разбились половцев на Угле, но пути не были возвращены этой временной победой.

К концу XII века Киевская Русь заметно запустела. Целые города и области были оставлены жителями. Торговля пришла в упадок.

Татарское нашествие 1240 года окончательно сломило Киевщину. На несколько веков она вообще как бы вышла из русской истории.

В том споре, который теперь начинают вести о том, была ли Киевская Русь началом русского государства, явно смешиваются два понятия: духовно-культурное и внешнегосударственное — великодержавное. Поскольку духовно-культурное начало является основным ядром всякого народа, обрастающим плотью внешнего государственного единства, совершенно бесспорно, что Россия начала существовать в Киеве. Киев воспринял православие и претворил его в русскую жизнь. Киев создал русское мирозерцание, русскую культуру. В XIII веке и Киев, и Суздаль, и Новгород представляли собою внутреннее единство. И только эта внутренняя сила веры и культуры смогла превозмочь пришедший извне удар; только благодаря ей Россия не погибла «ако обре», но сама завоевала своих поработителей. Непрерываемая линия духовного преемства идет от Византии и Киева к Суздалю и от Суздаля к Москве.

Иначе обстоит дело с линией государственно-политического великодержавного преемства. Киевская Русь к концу своего существования все больше погружалась в провинциализм, теряя и свое единство, и свои торговые пути. Она не создала государственного единства и не передала его Суздалю. Суздаль наново начал строить свою государственность. Возникая из болот и лесов, он был еще более провинциальным. Татары, придя на Русь, не застали там

18 единого государства. Каждое княжество обособлялось отдельно и отдельно гибло.

Вхождение Северной Руси в татарское царство приобщило ее к мировой истории. Оно открыло Суздалю те горизонты, которых у него до тех пор не было. Единая татарская власть была одним из главных факторов укрепления русского единодержавия и великодержавия. Московские князья обязаны своей властью не столько своей силе, сколько ловкой политике, благодаря которой они получали от ханов ярлыки на великое княжение. Власть хана сделалась той силой, воспользовавшись которой, московские князья превозмогли центробежные силы удельного сепаратизма. Укрепившись под властью ханов, Москва свергла татарское иго, из завоеванной стала завоевательницей, постепенно начала расширять свою власть на области, прежде находившиеся под татарами. Это расширение шло через всю русскую историю.

Поэтому можно говорить о двух линиях преемства и двух наследиях Руси: о «наследии Византии и Киева» и о «наследии Чингисхана». При отвержении одного из этих наследий взгляд на русскую историю становится односторонним, не охватывает полноты ее государственного бытия.

Первая линия преемства идет не прерываясь от Киева. Вторая начинается с Суздаля. Самый беглый взгляд на то, как складывалась Суздальская земля, уловит глубокое отличие

от Киева. Все условия жизни на севере были иными. Под их влиянием Суздальская государственность с самого своего возникновения пошла самобытными путями.

Суздальская и Рязанская земли, лежавшие между верхней Волгой и Окой, были глухой стороной. От Киевской Руси они были отделены непроходимыми и непроезжими «брынскими» лесами. Население страны — финские племена емь, весь и меря — «чудь», как их называли русские, жили в болотных чащах и по берегам озер. Постепенно приходявшие из Киевской Руси и из Новгорода переселенцы захватывали поселения чуди, частью сливались с ней, частью оттесняли ее еще дальше в леса. Так на урочищах чуди возникли старинные суздальские города: Ростов и Переяславль на озерах Неро и Клешино и Суздаль на реке Малой Нерли. Киевские князья, случайно и временно приходя в Суздальскую землю, воздвигали там города. Ярослав Мудрый основал на Волге Ярославль, а Владимир Святой, или Владимир Мономах — Владимир на Клязьме.

Суздальская земля дольше, чем другие области, оставалась языческой. Христианство встречало здесь ожесточенный отпор русского и финского населения. У просветителей земли не было поддержки княжеской власти, как на юге. Св. Леонтий, первый суздальский епископ, постриженник Киево-Печерской лавры, был изгнан язычниками из Ростова. Он ходил

20 по весям, обращая в христианство народ, главным образом детей. Вернувшись в Ростов, он принял там мученическую смерть. Его преемник, св. Исаия, тоже постриженник Киево-Печерской Лавры, продолжал его дело. Он проповедовал христианство, разрушал капища и воздвигал храмы. В одно время с ним жил св. Авраамий, уроженец Суздальской земли, началоположник иночества на севере. С детства возлюбив пустынное житие, он ушел из мира и на лесистых берегах озера Неро поставил себе келию. На месте разрушенного идола Велеса у Чудского конца Ростова Великого он основал Богоявленский монастырь — первую обитель на севере. Это было в конце XI века. Так христианство постепенно проникало из городов в глухие урочища и веси. Но язычники долго отстаивали свою веру. Летопись говорит о частых мятежах, вызванных происками волхвов.

Суздальская Русь, отделенная от Приднестровья лесами, долгое время лежала в стороне от общерусских дел и почиталась князьями за маловажный удел. Сначала она придавалась к Переяславскому княжеству, потом перешла в удел к младшей ветви Мономаховичей. Сам Владимир Мономах только изредка бывал на севере для устройства земских дел. Эта отверженность Суздальской земли послужила ей на пользу. Незаметно она увеличивалась и пополнялась переселенцами с юга. Ко времени Юрия

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru